

27 апреля 2005 года

Москва

Российско-китайский семинар по проблемам переходных экономик

Часть 1 (начало)

Академик В.В.Ивантер:

Сегодня у нас важный и интересный для наших исследователей день. Вы знаете, что в нашей экономической печати и публицистике существуют довольно туманные представления об экономике Китая. Скорее преобладают мифы. Но про китайское экономическое чудо знают все. Однако всякое чудо, особенно экономическое, это, прежде всего, проблема разумной экономической политики. Политики прагматической и нацеленной на результат. Наши постоянные многолетние контакты с экономистами Китая подтверждают это.

Вместе с тем любого макроэкономиста поражают не только высокие темпы развития, но и то, что эти темпы не снижаются на протяжении десятилетий. Что, вообще говоря, противоречит стандартной экономической теории. И иллюстрацией продолжения реальных успехов Китая является недавний прорыв страны в автомобилестроении – масштабной сфере высоких технологий гражданского назначения.

Я надеюсь, что доклады наших китайских коллег помогут нам понять те процессы, которые происходят в Китае. В том числе понять, какие экономические проблемы существуют в стране и как их предполагается решать.

Нам также предстоит выслушать доклад Вячеслава Степановича Панфилова, заместителя директора института, об экономической ситуации в России. Предваряя его выступление, я хотел бы отметить несомненно позитивное развитие России в последние несколько лет. Валовый внутренний продукт страны за последние годы рос очень приличными темпами. Безусловно, в определенной степени поднялся и жизненный уровень населения. Важным элементом последних лет является определенная политическая стабильность, на которую во многом опирается наше экономическое развитие. С другой стороны, экономическая структура нашей промышленности является по-прежнему деформированной, сохраняется высокий удельный вес экспорта энергоносителей. Экспорт нефти по сравнению с советскими временами вырос более чем

в три раза. И перед Россией стоит проблема масштабной модернизации экономики. Правда, темпы, которыми движется эта модернизация, не всегда нас устраивают.

Как следствие, в России продолжается интенсивная и даже эмоциональная дискуссия среди экономистов о дальнейшем пути развития страны. Эта дискуссия касается прежде всего соотношения между либеральными принципами экономической политики и государственным вмешательством в экономику. Я думаю, что эта дискуссия вполне объективна, потому что действительно нам нужно найти компромисс между свободной экономикой и ее регулированием.

Из Москвы кажется, что в Китае такой баланс между свободной экономикой и регулированием найден. И с этой точки зрения, я думаю, наш сегодняшний семинар будет очень полезен. Я надеюсь, что наши китайские коллеги тоже останутся довольны пребыванием в России. Думаю, что им будут интересны не только научные дискуссии, но и осмотр Москвы и Петербурга. Такой осмотр также поможет понять сегодняшнюю экономику России.

Мы договорились о некоторых организационных переменах в программе нашего семинара. Предлагается сегодня интенсивно и плотно поработать не только до обеда, но и после него, чтобы полностью освободить завтрашний день для наших китайских коллег. Наше утреннее заседание продлится где-то до двух часов или до половины третьего. После обеда мы продолжим. Первое заседание буду вести я, после обеда - В.С. Панфилов.

А сейчас я хотел бы предоставить слово профессору Ли Лоли - директору Китайского Института развития из города Шеньчжэня. Его доклад называется «Политика открытости и ее связь с экономическим развитием Китая и России»

Профессор Ли Лоли (Li Luoli):

Прежде всего позвольте от лица всей нашей делегации поблагодарить директора Института народнохозяйственного прогнозирования и всех других коллег за приглашение на этот семинар и за возможность нанести визит в Россию. Наши страны - это великие страны; наши народы связывает традиционное чувство дружбы, и в этой связи я хотел бы сказать, что очень рад проведению нашего первого совместного заседания, посвященного сравнению опыта экономического развития.

В 2002 году мы с академиком Ивантером, находясь в Шеньчжэне, обсудили план проведения такого мероприятия. Отправной точкой для замысла была идея о том, что нашим странам обязательно нужно тесно сотрудничать в этом плане. Экспертное сообщество, сообщество исследователей обеих стран должно вырабатывать

соответствующие рекомендации для правительств, и именно ради этой цели мы сегодня собрались.

В процессе подготовки этого форума представители обоих институтов затратили немало усилий. Были и объективные трудности, в частности, эпидемия атипичной пневмонии, которые помешали нашим планам осуществиться раньше. Но, тем не менее, мы все преодолели и теперь проводим первый наш форум в Москве. И мы вместе с вами предполагаем, что будем продолжать эту работу, и второе заседание форума пройдет в Шеньчжене.

Возвращаясь к моему докладу на сегодняшнем форуме, я хочу начать его с мысли о том, что когда мы сравниваем условия для экономических реформ в Китае и в России, мы сразу видим, что в России условия изначально были более благоприятными, чем в Китае. Россия имеет гораздо большую территорию, гораздо богаче ресурсами, чем Китай. В России на момент начала реформ имелась более мощная промышленная база, более развитый сектор научно-технических исследований. Качество людских ресурсов в России также выше. Китай же - это, в общем-то, аграрная страна.

В 1980-90 годах общий вектор реформ в двух странах был одинаковым: и там, и там происходил переход от плановой экономики к рыночной.

Первый вопрос, который я ставлю, формулируется таким образом: почему при том, что Россия имела по всем параметрам гораздо более благоприятные условия для реформирования, Китай, можно сказать, по всем параметрам опережал экономические реформы в России?

Многие ученые как в России, так и в Китае, а также на Западе, делают примерно одинаковый вывод. Разница в результатах была связана с разницей в методах, которые были использованы в Китае и в России.

Первое различие глобального характера заключалось в том, что в Советском Союзе реформы начались с преобразования политической системы и идеологии, в то время как в Китае реформы начали с экономики и, в частности, с преобразований в сельском хозяйстве.

Второе различие глобального характера в реформах - это использование шоковой терапии в России в отличие градуалистских реформ в Китае.

Что касается России, то схема преобразований, когда сначала объектом преобразований стала политическая система и идеология, а затем последовала шоковая терапия в экономике, привела к тому, что результатом реформ стала на порядок большая степень потрясения общественных институтов. К чему ни общество, ни правительство не были готовы. В Китае же наоборот была избрана поступательная, последовательная

модель реформ, что в результате дало гораздо меньшую по степени изменения нестабильность в обществе и в идеологии, что сыграло большую стабилизирующую роль в том числе и для экономического развития.

Еще одним результатом российских преобразований была быстрая дифференциация доходов. Сосредоточение активов в руках немногочисленной прослойки людей стало крайне отрицательным фактором, приведшим к возникновению в целом олигархической экономики в России. В Китае, в принципе, тоже наблюдались процессы серьезной имущественной дифференциации, однако в целом, учитывая и то, что общий уровень жизни китайского населения также рос, эта дифференциация никогда не достигала такого уровня, как в России. Поэтому возникновения олигархической экономики в Китае удалось избежать.

Конечно, я понимаю, что приведенный анализ короток и неполон. Он основывается не столько на исследованиях, сколько на том, что пишут о России российские и китайские ученые, а также западные специалисты. Но все-таки я хотел бы от более-менее общеизвестных вещей пойти чуть-чуть дальше и назвать еще одну причину, которая объясняет столь существенную разницу в результатах, которые политика экономической открытости принесла в двух странах.

Я думаю, что в принципе эти контрасты в реформах носят краткосрочный характер. В долгосрочной перспективе направление реформ и в России и в Китае, в общем-то, одно и то же - это переход от плановой экономики к рыночной экономике. Например, мы говорили о том, что в Китае начали с экономики, но теперь, как и можно было предполагать, экономическая реформа поставила на повестку дня и реформирование политических институтов. Надо сказать, что успех экономических реформ в Китае, связанный в том числе с интеграцией национальной экономики в мировую и с огромным притоком внешних инвестиций, является беспрецедентным успехом не только для Китая. В глобальном плане это также беспрецедентный экономический феномен.

Конечно, за фасадом успехов мы видим различные проблемы. В частности, в Китае идут острейшие дискуссии, например, о том, что делать с госпредприятиями, с госбанками, как нужно поступить с политической системой, что делать с китайской деревней. Многие западные ученые, основываясь на этих реально существующих проблемах, много лет подряд предрекают коллапс или застой китайской экономики. Ведь надо отдавать себе отчет, что исходная база китайских реформ слабее. Более того, многие проблемы, о которых говорили уже в 80 годах, так и остались проблемами, о которых только говорят. Никакого прогресса в продвижении некоторых реформ так и не произошло.

Как только что сказал профессор Ивантер, китайское экономическое чудо – это факт, но важно разобраться в истоках этого чуда. Многие даже говорят о том, что есть некая загадка этого чуда. В целом истоки этой загадки несложны. В 80-е годы Дэн Сяо Пин выдвинул установку, что нужно одновременно проводить реформы и открывать экономику. Его знаменитая поездка на юг Китая была тем моментом, когда реформы и политика экономической открытости стали необратимыми. В результате Китаю удалось привлечь так много инвестиций, что этот фактор смог компенсировать те трудности, которые при другом раскладе могли оказаться неразрешимыми. Например, когда в Китае в начале реформ была колоссальная нехватка ресурсов, иностранные инвестиции решили этот вопрос. Китай был крайне отсталой страной с точки зрения технического развития, но пришли инвестиции и обеспечили приток самой современной техники. То же самое касается управленческой сферы - иностранные компании привнесли новые методы управления. Все это привело к колоссальному повышению международной конкурентоспособности Китая. Одновременно все то, о чем я говорил, изменило степень зрелости внутреннего китайского рынка и привело к тому, что появился довольно большой внутренний спрос на продукцию различных отраслей. Это стимулировало и более взвешенный подход к преобразованиям в политической и юридической системе Китая.

Видимо, нельзя подходить к анализу экономики Китая только с традиционными точками зрения, поставив в центр этого анализа, скажем, народнохозяйственный комплекс. Не случайно о Китае сейчас говорят как о «мировой фабрике». Глобальная экономика стала частью Китая. Огромное количество производств создано транснациональными корпорациями (ТНК). Экспорт, идущий из Китая, осуществляется этими ТНК. Импорт многих товаров в Китай - это не импорт на внутренний китайский рынок, а импорт промежуточных продуктов, осуществляемый транснациональными корпорациями с целью производства той или иной конечной продукции.

Поэтому, если возвращаться к сопоставлению Китая и России, главным китайским опытом, который можно сопоставить с российским, является политика открытости. Именно в области экономической открытости коренится главная причина различий между достижениями Китая и России.

Надо сказать, что я стараюсь следить за мнением российских ученых, за тем, что пишут профессиональные журналы и газеты в России. На мой взгляд, основные мысли российских коллег похожи на то, как мы в Китае представляли себе проблемы экономического развития в 70-80 годы. Иными словами, российские коллеги считают, что открытость по отношению к внешнему миру может принести вред национальной

промышленности. Может нанести ей такой ущерб, что она не выдержит внешнего натиска. Вот пример такого сверхосторожного подхода: я прочитал недавно в одном сообщении, что некие бизнесмены из Шанхая предлагали вложить 1,5 миллиарда долларов инвестиций в Санкт-Петербурге и создать там что-то вроде чайнтауна. Однако реакция населения была очень осторожной. Скорее негативной, чем позитивной. Народ как-то не воспринял это предложение - инвестировать деньги в Санкт-Петербург.

На этом маленьком примере, на мой взгляд, легко понять, как отличается общественное мнение в России и в Китае. В Китае на любое предложение вложить крупную сумму в экономику города была бы безусловно позитивная реакция. В Китае давно уже сложился консенсус относительно разумной рациональной политики открытия и привлечения иностранных инвестиций. Это безо всяких оговорок положительный фактор развития - никаких дискуссий по этому вопросу в Китае не возникает.

Россия имеет не такое большое сельское население, как Китай. Россия уже давно не аграрная страна. Но когда мы говорим о том, что Россия - это промышленная страна, мы не должны забывать, что в ней имеются большие диспропорции. В России очень сильно развита тяжелая промышленность, сектор, связанный с обороной, со связью, космосом и так далее. Дело в том, что развитие этих отраслей ограничено в том плане, что коммерциализировать их очень сложно. Как правило, в оборонном комплексе очень редко считаются с затратами, им важно создать какое-то вооружение, но при этом неважно, какова будет себестоимость того, что производится. Такое развитие отдельных отраслей, было характерно не только для Советского Союза, но и для других стран. В частности, и Китай в дореформенный период, будучи бедной отсталой страной, тоже смог создать атомную бомбу, водородную бомбу и запустить спутник именно потому, что в рамках мобилизационной плановой экономики всегда есть возможность сконцентрировать все ресурсы государства. Но эта продукция с очень большим трудом может быть предложена на рынке.

Другой стороной такого чрезмерного развития оборонных отраслей в советской экономике было недостаточное развитие промышленности, производящей товары широкого потребления. Хотя Россия перешла к рынку, однако в ней не произошло резкого подъема этой части экономики. Преобладающая роль оборонных отраслей и связанных с оборонным комплексом имеет место уже в современной экономической структуре, и прорыва в области производства обычных товаров не произошло. Это можно проследить по целому ряду показателей: и с точки зрения появления новых товаров, и с точки зрения управления этими предприятиями. В этом отношении в России пока еще неблагоприятная ситуация.

И есть еще один недостаток предприятий, входящих в оборонный комплекс и в связанные с ним отрасли промышленности: они не могут обеспечить массовую занятость в целом для экономики.

Поскольку я уже говорю достаточно много, а время у нас ограничено, я свой анализ российской экономики не буду продолжать и сразу же перейду к выводам. Что Россия могла бы предпринять, чтобы решать свои макроэкономические проблемы?

Как мне представляется, главный вывод из китайского опыта состоит в том, что Россия должна пойти по пути экономической открытости для внешнего мира, привлекать как можно больше иностранных инвестиций, иностранной техники, зарубежных предприятий. Реформируя свой оборонный комплекс, проводя программу конверсии, Россия должна опираться в этом процессе на помощь иностранных предпринимателей, иностранного капитала. Вот таковы мои мысли на это счет, и я надеюсь, что мы сможем еще по этому поводу обменяться мнениями. Спасибо за внимание.

В.В.Ивантер. Спасибо, это был очень интересный и содержательный доклад. И я думаю, что он представляет собой очень хорошую основу для нашей дискуссии. В частности, очень много говорится о возможностях использования иностранных инвестиций в России. Я предлагаю продолжить нашу работу и предоставить слово заместителю директора нашего Института господину Панфилову.

В.С.Панфилов, заместитель директора ИНП РАН.

Заявленная тема моего выступления касается текущего состояния российской экономики, но я хотел бы затронуть этот вопрос в минимальной степени. Тем более что текущие данные доступны из статистических отчетов.

Насколько я понял, наши китайские коллеги следят за дискуссиями в Российской Федерации по поводу развития экономики России. Поэтому попробую построить свой доклад таким образом, чтобы было возможным в еще более широком контексте посмотреть на общемировые экономические тенденции и на тенденции в российской и китайской экономике. В предыдущем докладе было достаточно подробно описано, как происходили реформы в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Если рассмотреть ситуацию исторически, то возникает и естественный вопрос о том, а с чего это вдруг возникла необходимость в этих реформах? Если взглянуть не на 30 лет назад, когда необходимость реформирования стала очевидной, а немножко дальше, то мы увидим, что в начале прошлого века имела место тенденция, в соответствии с которой экономика трансформировалась из свободной рыночной в централизованную

монополистическую и так далее. Позднее имели место социалистические эксперименты Советского Союза, Китайской Народной Республики, корпоративное государство в Италии, национал-социалистическое государство в Германии.

Это довольно сложная теоретическая дискуссия, и мне в данном случае хотелось только подчеркнуть тезис о том, что экономическое устройство должно соответствовать некоторым объективным факторам и тенденциям, которые имеют место в этом мире. В этой связи я затрону только один аспект, связанный с взаимоотношениями человечества и окружающей среды. Он включает в себя такие темы как человечество и природные ресурсы, человечество и природная рента. Для России эта тема первостепенна по той причине, что наша страна, как говорил предыдущий докладчик, чрезвычайно богата природными ресурсами. И если мы посмотрим на соотношение между стоимостью первичных природных ресурсов и стоимостью рабочей силы, то история последних 150 лет говорит о том, что относительная стоимость первичных ресурсов падала. На единицу заработной платы в настоящее время можно купить значительно больше той же нефти, угля, металлов и так далее по сравнению с тем, что можно было купить в прошлом веке. Гораздо больше, чем 150, 100 или 50 лет назад.

В практическом плане этот фундаментальный факт выразился в том, что страны обладающие большим объемом природных ресурсов, в послевоенный период имели более низкие темпы экономического развития, чем страны с относительным дефицитом природных ресурсов. В частности, относительно медленный рост наблюдался в странах Африки, Латинской Америки, в арабском мире. В то время как азиатские страны, обладающие минимальным набором природных ресурсов, такие как Япония, Южная Корея, Малайзия, Таиланд показывали очень высокие темпы экономического развития. Я уж не говорю про Китай, хотя с Китаем все немного сложнее.

Одновременно подобный тип воспроизводства обусловил своеобразную иерархию мирового потребления. В результате так называемый золотой миллиард имеет очень высокий уровень потребления, а весь остальной мир значительно более низкий. И если делать глобальный прогноз будущего мирового развития, то самый принципиальный вопрос состоит в следующем: разрушится ли система «золотого миллиарда» или сохранится? Если она разрушится и если азиатские страны достигнут уровня потребления средних европейских стран, то тенденция постоянного обесценения первичных ресурсов почти наверняка переломится. Возьмем тот же Китай. Предположим, что в Китае будет 400 миллионов легковых автомобилей, и они будут проезжать примерно по 50 километров в день... Какой объем бензина потребуется для обслуживания этих нужд? Возникает соответствующий спрос на нефтепродукты, на сырую нефть и так далее. И,

соответственно, возникает ситуация, при которой эпоха дешевающих первичных ресурсов, возможно, закончится.

А если это так, то принципиально изменятся и инвестиционные потоки. Я не утверждаю однозначно, но, на мой взгляд, такой тип экономического развития вполне вероятен. В этом случае близость к первичным ресурсам станет значительно более важным фактором в выборе направления инвестиций. Скажем, комплексный товарный индекс, который исчисляется по мировым ценам на первичные ресурсы, в настоящий момент вопреки тенденциям всего послевоенного периода достиг своего максимума за последние 150 лет. И вот уже появились прогнозы вполне уважаемых экспертов относительно того, что в 2010 году цены на нефть достигнут 100 долларов за баррель. И если это будет так, то понятно, что произойдет весьма существенная перестройка мирохозяйственных связей и темпов экономического развития.

Если рассматривать такой вариант глобального развития, то мне кажется чрезвычайно важным и полезным соединить потенциал Российской Федерации с природными ресурсами и трудовой потенциал Китайской Народной Республики с тем, чтобы вероятный ценовой удар по экономике прошел бы более мягко для Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

Не надо забывать, что для Российской Федерации на ближайшие 20-30 лет самой острой проблемой будет демографическая. Иначе говоря, такой фактор экономического роста как прирост трудовых ресурсов будет малозначим. Соответственно, в той мере, в какой это возможно, надо компенсировать это обстоятельство ростом производительности труда. А это требует, естественно, масштабных инвестиций в модернизацию производства. В той же мере, в какой рост производительности труда будет недостаточным, необходима разумная миграционная политика, в том числе и по привлечению трудовых ресурсов. И это мне тоже кажется важным элементом российско-китайского сотрудничества.

Что касается России, то ее высокая обеспеченность природными ресурсами в текущих дискуссиях трансформируется в запугивание экспертного сообщества и российских властей так называемой голландской болезнью. Есть мнение, что страна, получающая неожиданные ресурсы в виде месторождений, которые приносят природную ренту, попадает в ситуацию, которую и называют голландской болезнью. Утверждается, что этот дополнительный ресурс, который получает страна, может использоваться в двух режимах обменного курса: свободного и фиксированного.

Если имеет место свободный обменный курс, то тогда происходит дополнительный приток иностранной валюты в страну. Эта валюта продается за национальную валюту,

обменный курс национальной валюты возрастает, импортные товары дешевеют, а издержки внутреннего производства относительно увеличиваются. Соответственно, национальные отрасли, участвующие в международном разделении труда, начинают хиреть и, в конечном счете, исчезают. А отрасли, которые не участвуют в международном обмене (здесь почему-то любят приводить пример парикмахерских) и продукцию которых нельзя экспортировать, продают свои услуги по все более и более высоким ценам. В целом же экономика страны впадает сначала в стагнацию, а потом и в упадок.

Второй вариант – фиксированный обменный курс. Утверждается, что в этих условиях Центральный банк должен скупать все больше и больше иностранной валюты, насыщая внутренний рынок национальной валютой. И происходит не дефляция по импортным товарам, как в первом случае, а инфляция по отечественным товарам. По последствиям эффект остается примерно таким же. Практическое применение таких идей в России привело к проведению политики так называемой стерилизации денежной массы.

В этих целях используются не только те инструменты, которые есть в распоряжении Центрального банка России, но и законодательно оформленный стабилизационный фонд. В стабилизационный фонд до последнего времени попадали все доходы от экспорта нефти свыше цены отсечения 20 долларов за баррель. Иными словами, если цена нефти 49 долларов за баррель, то в стабилизационный фонд попадает 29 долларов. Главный приверженец этой идеи в российском правительстве – министр финансов г-н Кудрин. И он рассматривает это действие, кроме всего прочего, как важнейшую антиинфляционную меру. Но на практике можно увидеть, что до 2003 года темпы инфляции снижались, а с 2004 года, когда был сформирован стабилизационный фонд, целевые планы по инфляции перестали выполняться, оказавшись практически на уровне 2003 года (12,7%?). А в этом году произошел еще один всплеск инфляции, и по итогам первого квартала можно говорить о том, что годовые темпы инфляции могут превысить 13%. Но все обращения к г-ну Кудрину с призывом проверить логику, к сожалению, не достигают результатов.

Я хочу напомнить, что борьба с инфляцией является чрезвычайно важным элементом экономической политики, и для России это тоже одна из первостепенных задач. Но для того чтобы успешно бороться с инфляцией, надо четко понимать ее причины. На наш взгляд, надо стимулировать рост производства, рост предложения на рынке, а не пытаться разного рода административными мерами ограничивать платежеспособный спрос. Поэтому мы считаем, что необходимо ввести в действие целый ряд механизмов по использованию существующих финансовых накоплений государства для стимулирования экономического роста, и предлагаем технологии применения этих механизмов.

Продолжение же сегодняшней политики ведет к тому, что тренд экономического развития идет вниз. Первый квартал этого года показывает, что темпы прироста и ВВП, и промышленного производства существенно снизились, причем последние уже существенно ниже 4% годовых. Следовательно, даже этот факт показывает необходимость принятия целого комплекса мер по стимулированию экономического развития. Насколько я понимаю, это видит и высшее руководство Российской Федерации. Президент Российской Федерации, выступая с посланием к федеральному собранию, отметил то, что политика стабилизации была чрезвычайно необходима и нужна, но ее эффективный потенциал закончился и надо сейчас переходить к другой политике - политике стимулирования экономического роста, политике реализации национальных проектов развития и так далее.

Насколько осуществление этих пожеланий возможно в рамках существующей экономической политики, а, точнее говоря, при персонах, проводящих эту экономическую политику, сказать трудно. В конце концов, кадровые вопросы находятся в руках президента, проживем - увидим. Кто именно это будет осуществлять? Думаю, что это будут люди, которые не входят в кадровый резерв президента. Будут, безусловно, и частные инвесторы, которые будут вкладывать деньги в те сферы, где, по их мнению, их инвестиции в эти сферы принесут им доход. И президент страны со своей стороны предложил целый ряд мероприятий, которые могли бы способствовать интенсификации инвестиционных процессов.

Лично я ни с одним из этих предложений не спорю и не считаю, что они могут повредить. Правда, ряд мер, мне кажется, не может оказать достаточно масштабного эффекта, но в любом случае они являются полезными. Однако для экономического развития, темп которого удваивал бы ВВП (а это 7 с лишним процентов в год), необходимо добавить и меры, о которых я говорил. То есть меры по использованию финансовых накоплений государства для интенсификации инвестиционных процессов, для активизации экономики.

Я хочу подчеркнуть еще один момент. Для Российской Федерации высокие темпы экономического развития важны не только из соображений социально-экономических, но и из-за соображений геополитических. Чтобы удержать тот объем ресурсов, которыми располагает Российская Федерация, безусловно, вес российской экономики должен быть значим в мировой экономике. Как любит говорить наш президент: слабых бьют. В этой связи комментарий по поводу примера с инвестициями шанхайской группы инвесторов в Петербург. Важно иметь ввиду следующее, что у населения есть опасения, что это есть не инвестиции, а это есть отъем земли, территории и так далее. А связаны эти опасения с тем,

что российская экономика действительно растет только последние 5 с половиной лет при том, что больше десятилетия имел место спад. Поэтому российские граждане заведомо боялись, что пока мы слабые, пускать инвесторов в некоторые места опасно. При этом я не сомневаюсь, что высокие темпы экономического развития России одновременно будут и расширять возможности для инвестиций в Россию, сводя на нет описанные страхи российского населения.

К сожалению, я не успел показать вам числа. Но за 20 минут одновременно и показывать числа, и комментировать их было невозможно. Но если будут вопросы и по конкретным числам, я с удовольствием на них отвечу.

Ивантер. Спасибо за доклад. Предлагаю заслушать доклад господина Лю Юньцина, а после этого провести общую дискуссию по всем трем докладам.

Лю Юньцин (Liu Yunqing), директор бюро министерства коммерции Китая, доклад «Торгово-экономическое сотрудничество и стимулирование развития».

Прежде всего, я хотел бы выразить удовлетворение от того, что есть возможность участвовать в нашем сегодняшнем форуме и обсудить вопросы интенсификации сотрудничества и проектов совместного развития. Наши страны - соседи, они имеют тесные связи и в прошлом, и в настоящем, и мы находимся на этапе всестороннего развития нашего сотрудничества, которое в том числе, основано на обобщении опыта прежнего сотрудничества. В июле 2001 года между двумя странами был подписан договор о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве, который заложил основные принципы развития и сотрудничества во многих областях, что вылилось в отношения стратегического партнерства между нашими странами.

Что касается торгово-экономического сотрудничества, то это, разумеется, является материальной базой для сотрудничества во всех остальных областях. Торгово-экономические связи в последние годы не стояли на месте, они развивались и уже достигли определенного уровня в своем поступательном движении. Когда в 2002 году г-н Путин был в Пекине, было подписано коммюнике, в котором были обозначены основные принципы, на которых должно строиться дальнейшее развитие торгово-экономических связей. Действующий с 1996 года механизм встреч на уровне премьеров создал институциональный механизм для стимулирования торгово-экономических связей. В завершившемся 2004 году в двухсторонней торговле и экономическом сотрудничестве был достигнут настоящий прорыв.

Во-первых, объем двухстороннего товарооборота впервые превысил показатель в 20 миллиардов долларов США, достигнув 21 миллиарда 300 миллионов долларов США, что пока является абсолютным рекордом за всю историю сотрудничества России и Китая. При этом объем экспорта Китая в Россию составил 9,1 миллиарда долларов, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 51,7%, а импорт из России в этом же году возрос на 24,7%. Россия заняла восьмое место среди крупнейших торговых партнеров Китайской Народной Республики. Китай же, в свою очередь, стал шестым по величине торговым партнером России.

Второе важное достижение состоит в том, что стороны полностью закончили переговоры по всем вопросам, связанным со вступлением РФ во Всемирную торговую организацию (ВТО), при этом признав рыночный статус друг друга. Китай стал одной из первых стран, которая успешно завершила с Россией переговоры по этой проблеме. Это также можно рассматривать как поддержку со стороны Китая усилиям российского правительства по вступлению в ВТО. Надо сказать, что работа по дальнейшему развитию торгово-экономического сотрудничества проходит в благоприятной атмосфере, хорошие условия для дальнейшего прогресса сохраняются. В частности, в обеих странах в настоящий момент достигнута высокая степень политической стабильности. В различных отраслях экономики и торговли имеет место взаимодополняемость и близость интересов. Этот факт обусловлен также географической близостью и прочими факторами, в число которых входит и богатый опыт сотрудничества и двухсторонних проектов. И самое важное, что у обеих сторон имеется воля и желание увеличивать масштаб и повышать качество взаимного сотрудничества.

Наш сегодняшний форум по экономическим вопросам также является подтверждением этих слов. На ближайшие годы стороны ставят задачу и надеются на сохранение быстрых темпов роста взаимной торговли и сотрудничества. Хотя при этом нынешнее состояние взаимных связей в области торговли и экономики все же не соответствует имеющемуся потенциалу. Другими словами, этот потенциал еще не реализован, его еще предстоит реализовать. Поэтому задача состоит в том, чтобы одновременно расширять сферы сотрудничества, углублять это сотрудничество, находить новые формы и обеспечить тем самым быстрый и устойчивый рост взаимных связей в торгово-экономической области. В этой связи я хотел бы сформулировать пять конкретных предложений.

Первое из них заключается в том, что России и Китаю необходимо совершенствовать структуру товарооборота. Тут надо пояснить, что товарное сотрудничество, традиционный обмен товарами - это самая традиционная часть сотрудничества, однако ее

структура пока не отвечает нашему потенциалу, нашему желанию. В основном товары, которыми обмениваются стороны, это товары трудоемких отраслей со стороны Китая и товары ресурсного плана со стороны России. Другими словами, в экспорте Китая в Россию преобладают одежда, обувь и другие товары с достаточно низкой долей добавленной стоимости. А экспорт России в Китай - это преимущественно нефть, лес и другие товары сырьевого характера. Надо сказать, что подобное положение дел не только сохраняется, но и усугубляется. Это, конечно же, не соответствует тому научно-техническому и технологическому потенциалу, который имеется в обеих странах. Поэтому мое предложение состоит в том, чтобы, сохраняя и развивая уже достигнутые показатели торговли, двигаться к тому, чтобы делать структуру товарооборота более рациональной. Больше задействовать научно-технический потенциал и развивать научно-техническое сотрудничество.

Второе предложение касается развития экспорта услуг. В целом наши страны не относились к числу самых передовых по уровню развития сектора услуг. Но в последние годы отрасли услуг получили большое развитие, и потому развитие обмена в этой области очень перспективно. Китай три года назад вступил в ВТО, и за эти три года уже проявилась тенденция быстрого роста сектора услуг, что тоже благоприятствует сотрудничеству в этой области. Здесь, кроме таких отраслей как взаимные транспортные перевозки и туризм, где уже, в принципе, был достигнут большой прогресс, должны быть развиты и такие сектора, как инженерные услуги, страхование и т.д.

Третье предложение касается расширения инвестиционного сотрудничества. По данным соответствующих министерств КНР, к концу 2004 года совокупные инвестиции Китая в Россию составили 680 миллионов долларов, в то время как инвестиции России в Китай составили 460 миллионов долларов. Взаимный обмен инвестициями имеет четкую тенденцию к росту, однако общие масштабы этих инвестиций пока еще незначительны и их роль как стимула, как мотора, который потащит за собой общее экономическое сотрудничество, пока не выявилась в полной мере. Здесь не хватает каких-то крупных инвестиционных проектов, которые могли бы резко изменить ситуацию. И как раз этот вопрос сегодня уже затрагивали и профессор Ли Лоли, и господин Панфилов, когда они говорили о предложениях по инвестиционному сотрудничеству.

Что касается тех российских отраслей, в которых уже присутствуют китайские инвестиции, то это следующие сектора: экспортно-импортная торговля, связь, оборудование для связи, пошив одежды, заготовка и переработка древесины, сельское хозяйство. Сюда китайские предприниматели и компании уже вложили определенные средства. Что касается российских инвестиций в Китае, то это атомная энергетика,

автомобилестроение, оборудование для сельскохозяйственного производства, химическая промышленность, строительные материалы.

Представляется, что экономисты, эксперты, а также люди, которые принимают решения, должны иметь стратегический взгляд на состояние сотрудничества и приложить определенные усилия, чтобы стимулировать дополнительное сотрудничество в таких областях как энергетика, переработка сырья, отрасли высоких технологий. Задача состоит в том, чтобы обеспечить не просто механический количественный рост, но и в определенной степени изменить качество сотрудничества.

Четвертое предложение касается межрегионального сотрудничества. В настоящее время роль приграничной торговли в сотрудничестве двух стран уже весьма велика. Можно даже сказать, что приграничная торговля играет роль локомотива, который тащит за собой поезд торгово-экономического сотрудничества. Объем приграничной торговли в 2004 году составил 4,2 миллиарда долларов США, что составило 19,7% всего товарооборота за этот год. В рамках приграничной торговли Китай импортировал товары из России на сумму 2,8 миллиарда долларов, а поставил товары на сумму 1,3 миллиарда долларов в 2004 году.

Помимо приграничной торговли растет и межрегиональное сотрудничество, то есть связи между провинциями, городами Китая и городами и областями Российской Федерации. Имеется уже 63 такие межрегиональные пары, которые установили отношения тесного сотрудничества между собой, а также 9 городов. Правительства двух стран должны и дальше стимулировать эти связи между регионами, которые позволят сделать более разнообразной и диверсифицированной структуру нашего экономического сотрудничества. Также представляется целесообразным стимулировать активное участие китайских предприятий в освоении и экономическом развитии регионов Дальнего Востока России и Сибири. Китай, со своей стороны, также приветствует более активное участие российских предприятий в восстановлении экономического динамизма старого индустриального региона на территории трех северо-восточных провинций Китая, а также участие российских предприятий в освоении западных районов КНР.

Пятое направление – это улучшение общей среды для торгово-экономического сотрудничества. Китайская сторона уже предприняла значительные усилия для совершенствования и улучшения условий взаимной торговли. Но необходимы и дальнейшие усилия для того, чтобы обмен товарами, услугами мог осуществляться в больших масштабах и в других отраслях, будучи обеспеченным эффективной законодательной и прочими видами поддержки. В частности, обеим странам надо обеспечить более эффективную работу таможенных органов. Также необходимо усилить

координацию действий органов товарной инспекции обеих стран. Кроме того, необходимо наращивать усилия по созданию инфраструктуры для обмена информацией между двумя странами. Нужен и механизм, позволяющий осуществлять объективный разбор различных коммерческих споров и противоречий, возникающих в ходе нормального торгово-экономического сотрудничества. Должно быть налажено взаимодействие не просто между отдельными предприятиями, а между отраслями промышленности двух стран с тем, чтобы координировать возникающие вопросы, реагировать на возникающие претензии и споры. Необходимо усилить работу по информированию промышленников двух стран обо всех вопросах, связанных с работой в формате ВТО.

В этом отношении стороны уже предприняли достаточно много усилий. В марте 2003 года состоялось совещание по проблемам совершенствования механизма взаимной торговли с участием двух министерств: министерства экономического развития и торговли России и министерства коммерции Китая. Китайская сторона делегировала совместную делегацию представителей министерства, отраслевых объединений и объединений промышленников для изучения ситуации, в том числе и по вопросам совершенствования торгового механизма и антидемпинговых процедур. Достаточное внимание к этим вопросам, сокращение и минимизация трений по торговым вопросам, будет залогом успешного и активного развития торгово-экономических связей в будущем.

Китай уже вступил в ВТО, Россия стоит на пороге вступления, и это уже является положительным фактором, поскольку работа в рамках ВТО является нормализующим обстоятельством, которое упорядочивает экономическую деятельность национальных экономик. Действуя в рамках принципов, существующих в ВТО, стороны должны прилагать дополнительные усилия, чтобы обеспечивать нормальные условия для деятельности предпринимателей противоположных стран на своей территории. Существующие в торговле различные трудности и противоречия, такие как таможенные барьеры, таможенные механизмы, препятствующие проникновению товаров на рынки, и другие вопросы должны находить свое решение в духе равноправия и уважения к принципам ВТО при помощи органов, решающих эти вопросы.

Китай поддерживает стремление России к скорейшему вступлению в ВТО. Подписание соответствующего протокола о завершении переговоров между Россией и Китаем по вопросам вступления России в ВТО также будет большим позитивным действием. Собственно говоря, вступление России в ВТО также будет большим дополнительным шагом для укрепления здорового развития российско-китайских торгово-экономических связей. И мы вместе с другими правительственными ведомствами

и объединениями промышленников готовы прилагать усилия для того, чтобы все это произошло как можно быстрее.

В.В.Ивантер

Хотелось бы обсудить вот какой вопрос. Мне кажется, что доклады, которые делаются на нашем семинаре, должны быть опубликованы в нашем журнале. Это первое. Второе – мне кажется было бы целесообразно некоторые предложения по развитию социально-экономического сотрудничества между Россией и Китайской Народной Республикой сформулировать в более коротком виде, а затем информацию с этими предложениями передать в Государственную Думу, Совет Федерации, в правительство (в частности, в министерство экономики) и в президентскую администрацию. Мне кажется, это было бы целесообразно, учитывая большой интерес к проблеме экономических взаимоотношений с Китаем.

Теперь переходим к дискуссии. У меня есть вопрос по поводу открытости экономики. Нужно иметь в виду, что открытость экономики России в период после 1992 года привела, по самым скромным оценкам, к вывозу из страны порядка 100 миллиардов долларов. Есть и более экстремистские оценки по объемам. Но нижний предел в 100 миллиардов долларов сомнений точно не вызывает.

Кроме того, у нас тоже есть опыт использования иностранного капитала в нашем оборонном секторе. Одна из крупнейших российских корпораций по производству авиадвигателей привлекла в качестве партнера известную американскую фирму. Результат этого вполне коммерческого сотрудничества привел к тому, что за эти годы не был выпущен ни один двигатель. Более того, делается все возможное, чтобы прекратить всякое производство двигателей в Перми. Похоже, что иностранные производители двигателей просто уничтожали конкурента.

В то же время сотрудничество в военно-промышленном секторе с Китаем дало другие результаты.

Но в целом я отношусь весьма настороженно и аккуратно к сотрудничеству оборонно-промышленного комплекса России и западного капитала. Наши антимонопольные органы отказали в продаже контрольного пакета акций корпорации «Силловые машины» концерну «Сименс». Я думаю, что всякое сотрудничество в этой чувствительной сфере должно учитывать и геополитические интересы стран-партнеров.

Мое мнение, что проблема не только в тех ограничениях, которые мы вводили в отношении открытости и свободы сотрудничества (таких ограничений, кстати, не так

много), а также и в том негативном опыте, который имел место в недавнем времени. Поэтому ваша позиция относительно открытости требует некоторых разъяснений.

Лю Юньцин (Liu Yunqing)

Я считаю, что академик Ивантер поставил очень серьезный вопрос. На самом деле в моем плане было намерение коснуться этих вопросов, но у меня не хватило времени. Но хорошо, что я смогу затронуть эту тему в своих ответах. В ответ на ваш вопрос я хотел бы сказать, что, открывая экономику и привлекая инвестиции, надо не забывать самый главный принцип - принцип соблюдения своих национальных интересов. Мы в Китае осуществляем именно такую политику. Ведь в базовых условиях наших двух стран существует очень большая разница. Китай, все-таки, и накануне реформ, и сейчас в значительной степени продолжает быть аграрной страной. Потому глобальной целью китайских реформ является переход от аграрной экономики к индустриальной.

Надо сказать, что когда была создана Китайская Народная Республика, там тоже был создан механизм плановой экономики, как и в СССР. Однако степень развития этой экономики, конечно же, была намного ниже советской. Интересно то, что в Китае наибольшие темпы роста демонстрируют как раз те сектора экономики, которые в соответствующий период были охвачены планированием в наименьшей степени. И наоборот, те отрасли, которые в наибольшей степени регулировались централизованным планированием, сейчас отстают. Скажем, районы северо-востока Китая, центральные и западные районы, где были созданы государственные предприятия и комплексы предприятий, развиваются гораздо слабее, чем частные предприятия новой экономики. Россия к началу реформ уже была индустриальной страной. Может быть, в меньшей степени индустриальной, чем западные страны, но в целом все-таки индустриальной. В этом смысле для реформ в России были совершенно другие стартовые условия.

Другое дело, что плановая экономика охватила практически все сферы экономической деятельности, что сделало ее очень устойчивой и даже негибкой, проникшей повсюду системой, которая с трудом поддавалась хоть какому-то реформированию. Это одна часть проблемы. Другая часть проблемы связана с тем, что Китай имеет огромное население, миллиард триста миллионов человек, огромный ресурс и резерв дешевой рабочей силы. Ничего подобного в России нет, и об этом сегодня очень хорошо сказал профессор Панфилов. Поэтому и проблема привлечения иностранных инвестиций тоже должна быть тесно связана с конкретными условиями. В зависимости от этих условий должны быть выбраны методы привлечения этих инвестиций.

Еще одно важное отличие, которое невозможно игнорировать, заключается в том, что в начале китайских экономических реформ главным источником внешних инвестиций были не западные деньги, а капитал из Гонконга, Тайваня и юго-восточной Азии, принадлежащий этническим китайцам. Этот процесс имеет и территориальное измерение, поскольку начало реформ связано с приморской полосой. Лишь впоследствии процесс реформ распространился на центральные и западные районы КНР. А процесс экономических реформ в России, конечно же, имел принципиально другое содержание. Здесь уже была индустриализованная страна, где надо было решить вопрос, каким образом на основе достижений в ВПК и сопутствующих отраслей ввести, упрощенно говоря, страну в рынок. То есть, в Китае один процесс, в России другой.

Поскольку у Китая была задача превращения экономики из аграрной в индустриальную, массовый приток западных импортных технологий можно уподобить процессу нанесения знаков на чистый лист бумаги. Другими словами, этот процесс был достаточно органичным по своей сути. В России, где к началу реформ уже существовала мощная промышленная база и глубоко укоренившаяся плановая система, существовали колоссальные проблемы, но другого свойства: как отойти от всего этого и усвоить совершенно другие принципы управления и изменить мышление людей. И, соответственно, это обусловило другие решения по реформированию экономики. Проблема российских реформ заключается в том, что недостаточно было создать некие абстрактные институты рынка. Нужно было создать институты, которые обеспечивают выполнение правил игры на рынке.

В последнее время в западной печати много пишут об усилившемся оттоке капитала из России. Многие связывают это обстоятельство именно с тем, что в России пока не удалось обеспечить проблему обеспечения правил игры на рынке. Например, кто-то приходит, вкладывает деньги, создает производство, а потом выясняется, что его права могут быть совершенно беспрепятственно нарушены какими-то органами власти или другими субъектами рынка.

Конечно же, очень важен и вопрос о том, как обеспечить национально-государственные интересы в процессе реформ. Недавно в Китае опубликовали интервью крупных российских экономистов западному корреспонденту, в котором западный корреспондент, в частности, поднимал вопрос об использовании трудовых ресурсов Китая для освоения Сибири. Однако российские экономисты указали на то, что здесь есть опасность, связанная с неконтролируемой эмиграцией. Здесь, видимо, надо говорить о том, что, формулируя интересы своего государства, национально-государственные интересы, которые вы должны в процессе реформ не упустить и защищать, нужно все-

таки понимать, что экономическое сотрудничество - это улица с двухсторонним движением. Иначе говоря, каждая из сотрудничающих сторон что-то получает, но и частично от чего-то отказывается. Мы в Китае любим выражение «двойная выгода», когда сотрудничество приносит пользу обеим сторонам. И речь идет о том, что реформы имеют смысл, когда появляется возможность соблюсти баланс между двумя этими принципами, принцип чтобы не поступиться национально-государственными или геополитическими интересами и, в тоже время, не упустить возможности экономического сотрудничества.

И в вашем вопросе, и в вашем выступлении был вопрос о масштабном вывозе капитала из России. Вы приводили цифры. Возможно, я не очень хорошо знаю эту ситуацию, но, видимо, это связано с проблемой возникновения такой модели рыночной экономики, которую называют олигархической. Модели, определяемой сосредоточением огромных ресурсов в руках небольшой прослойки населения. Видимо, вывоз капитала находится в прямой связи с этой проблемой. Это уже отдельная проблема, которая прямо не связана с вопросом о том, как наиболее эффективно открывать экономику и привлекать иностранные инвестиции. Но, наверное, вам будет интересно узнать, что в Китае проблема вывоза капитала или отток капитала - это тоже достаточно острая проблема. Она у нас она связана, как мы считаем, с тем, что люди, получившие собственность в ходе сомнительных сделок (а это, как правило, коррумпированная часть государственного аппарата), стараются укрыть полученные доходы за границей.

И еще одно замечание, на которое хотелось бы прореагировать. Оно касается ваших примеров о том, как не всегда сотрудничество с крупными западными компаниями дает положительные результаты, в том числе в отраслях ВПК. Тут, видимо, надо решать вопрос о том, куда в первую очередь целесообразно привлекать иностранные инвестиции. С нашей точки зрения, конечно же, нужно, чтобы инвестиции шли в легкую промышленность и в отрасли связанные с производством ширпотреба. А не туда, где и так есть достаточно большие достижения, как, например, в отраслях как ВПК.

Хотелось бы сказать и о том, о чем докладчики сегодня уже упоминали. На волне высоких цен на энергоносители (что стало одним из условий, благоприятствующих экономическому росту в России) Россия получила дополнительные финансовые ресурсы. Я думаю, что было бы рационально использовать эти ресурсы для стимулирования внутреннего производства в России, а не пустить на дополнительное потребление. И чтобы оживить внутреннего производителя, нужно открыть рынок, но не рынок готовых потребительских товаров от импортных поставщиков, а рынок инвестиционных товаров. Нужно сделать так, на российский рынок могли чтобы широким потоком приходиться инвесторы как из западных стран, так и из стран, которые находятся рядом с Россией. В

Россию также можно привлекать трудовые ресурсы из стран-соседей. Это было бы правильным экономическим выбором.

Еще одно мое предложение состоит в том, чтобы использовать пример Шеньчжэня. Посмотрите, как было сделано в Шеньчжэне: мы взяли один маленький населенный пункт, и все те новые модели, которые мы хотели в перспективе распространить более широко, сначала были испытаны в одном крошечном месте на юге Китая. Тут отрабатывались новые аспекты законодательства, новые схемы налогообложения и так далее. Возможно, и России следует найти такое маленькое место, один город и отработать сначала там различные нововведения в законодательство, налоговую практику и т.п. Это очень важный вопрос, вопрос отношения людей, вопрос соблюдения экономических принципов рыночной экономики, вопрос, который экспертное сообщество должно ставить перед правительством, особенно с учетом того, что Россия активно предпринимает усилия для вступления в ВТО. И вопрос, об изменении отношения людей, который поставил профессор Панфилов, достаточно прост. Обычные люди исходят из простой истины «что выгодно мне, то и правильно». И если правительство создает условия, при которых инвесторам выгодно приходить на рынок, выгодно создавать рабочие места, повышая тем самым общий уровень экономического развития, люди это увидят и достаточно быстро начнут воспринимать те вещи, которые в данный момент пока не находят их поддержки.

Вопрос китайской стороны

Вопрос возник в связи со стабилизационным фондом, о котором рассказывал профессор Панфилов. Коллегу интересует вопрос, правильно ли он понял, что все налоговые доходы при цене на нефть свыше 20 долларов за баррель поступают в стабилизационный фонд? Как конкретно реализуется эта схема, чей это фонд, принадлежит ли он государству?

В.С.Панфилов

У нас есть бюджетный кодекс. В рамках этого бюджетного кодекса есть статья, специально посвященная стабилизационному фонду, где говорится и о принципах формирования, и о принципах использования стабилизационного фонда. Что касается наполнения фонда, то это происходит очень просто. Схема следующая, в России существуют таможенные пошлины на экспорт нефти. Экспортные таможенные пошлины устанавливаются в зависимости от мировой цены на нефть. Существует шкала, в соответствии с которой принимаются решения о величине пошлин и утверждаются постановлением правительства. Общее правило такое: если мировая цена на нефть падает

- пошлина сокращается, если мировая цена растет - пошлина увеличивается. К примеру, в настоящее время эта пошлина составляет 104 доллара за тонну. Когда цена на нефть была 20 долларов за баррель, то эта пошлина составляла, если память мне не изменяет, порядка 15 долларов за тонну. 15 долларов с тонны отправляются в общие доходы бюджета, а вот 104 минус 15 долларов идут в стабилизационный фонд.

Кроме налоговых пошлин существует еще и налог на добычу полезных ископаемых. Применительно к нефти он устроен примерно так же как таможенные пошлины. Этот налог уплачивается в зависимости от того, какова мировая цена. Естественно, все это уплачивается в рублях, исходя из соответствующего курса в момент возникновения обязательств. Далее министерство финансов, высчитывая из общих доходов указанным способом, переводит часть денег из общих доходов бюджета в стабилизационный фонд. Одновременно в законе указан и механизм использования средств стабилизационного фонда. В законе указано, что до того момента, пока средства фонда не превысят 500 миллиардов рублей, эти деньги могут использоваться исключительно для погашения внешней задолженности. В настоящее время этот барьер уже перейден, сейчас средства составляют порядка 700 миллиардов рублей. Однако для того, чтобы использовать образовавшиеся 200 миллиардов «излишка» на какие-то другие цели, должен быть принят отдельный закон по направлениям расходования этих средств. При этом позиция фискальных органов, министерства финансов состоит в том, что надо эту планку, 500 миллиардов рублей, постоянно повышать по определенному принципу.

К примеру, с 1 января 2005 года в Российской Федерации понижена ставка единого социального налога, которая привела к частичному дефициту пенсионного фонда. В проекте бюджета было указано, что можно частично возмещать выпадающие доходы пенсионного фонда из средств стабилизационного фонда. Но, фактически, текущие поступления в федеральный бюджет оказались столь высокими, что чтобы компенсировать выпадающие доходы пенсионного фонда, ресурсы стабилизационного фонда не нужны. По крайней мере, в этом году.

Вопрос китайской стороны

Какова была изначальная цель стабилизационного фонда? Когда внешний долг будет погашен, куда будут идти деньги стабфонда?

В.В.Ивантер

Что касается идеи стабилизационного фонда, то она, в известном смысле, возникла спонтанно. Рост мировых цен на товары российского экспорта привел к существенному

росту доходов бюджета, причем доходов не запланированных ранее. Так в 2002г. при расчете доходов бюджета на будущий год, использовалась цена на нефть 20 долларов за баррель, а фактически она достигла 27 долларов. Возникли внеплановые доходы бюджета. Периодически под давлением депутатов Думы правительство пыталось израсходовать эти средства на те или иные цели. Потом пришли к выводу, что такое счастье не может продолжаться долго, и цены на нефть могут упасть, причем даже ниже расчетной цены в 20 долларов. Тем более совсем недавно - в 1998 году и начале 1999 года – цена опускалась до 10 долларов за баррель. Соответственно, было решено, что дополнительные доходы будут использоваться в случае резкого падения цен на нефть для покрытия выпадающих доходов бюджета. Вот такова была первоначальная логическая цепочка.

А по факту цены на нефть не падают, а растут. И размеры стабилизационного фонда все разрастаются и разрастаются. Поэтому возникает дилемма, о которой в предыдущем выступлении говорил профессор Ли Лоли: как использовать эти средства - на инвестиции или на потребление? Действительно, очень трудно объяснить населению, избирателям как, обладая такими гигантскими финансовыми накоплениями, государство тратит на социальную поддержку незащищенных слоев населения мизерные суммы, в результате чего проблема бедности в Российской Федерации остается нерешенной.

Теперь, в свою очередь, мой вопрос китайским коллегам.

В рамках нашей конференции многократно упоминался процесс вступления во всемирную торговую организацию. Я и мои коллеги более знакомы с требованиями европейского сообщества к России по поводу вступления во всемирную торговую организацию. Это касается субсидий сельскому хозяйству, это касается и вопросов цен на энергоносители и так далее. А как наши китайские коллеги могли бы охарактеризовать наиболее важные идеи, предложения, требования китайской стороны по отношению к России в процессе вступления в ВТО?

Лю Юньцин (Liu Yunqing)

Глобализация, как все знают, это важная тенденция мирового экономического развития. Именно она обуславливает стремление многих стран и территорий войти в ВТО. Китай, в частности, 15 лет вел переговоры по этому поводу. Надо сказать, что Россия и Китай уже согласовали, в принципе, основные вопросы по вступлению в ВТО. Они уже сняты, со стороны Китая...

Вопрос из зала: а не основные вопросы?

Лю Юньцин (Liu Yunqing)

Не случайно я в своем докладе сказал, что Китай гордится той поддержкой, которую мы оказали России. Китай оказался фактически первой из крупных стран, согласовавшей все свои вопросы с Россией, и у нас уже не осталось никаких противоречий. Этот процесс, конечно, сложен. Есть целая система согласования всяких условий, и вступление Китая заняло 15 лет. Там и проблема таможенных пошлин, доступа на рынки и много всего прочего. Поскольку я лично не был в числе переговорщиков, то мне трудно сказать на детальном уровне, что какие конкретно детали обсуждались. Возвращаясь к вашему вопросу, могу сказать следующее: или мы, вернувшись в Пекин, запросим у департамента по связям с ВТО какую-то справку, или можно еще связаться с экономическим отделом нашего посольства в Москве. Наверняка у них можно попросить какие-то материалы.

Дополнительно хотел бы сказать следующее. В чем действительно можно считать опыт наших двух стран очень успешным, так это в том, что когда-то был очень дальновидно создан такой институциональный механизм, который и регулирует конкретные области по развитию торгово-экономического сотрудничества. Этот механизм предусматривает ежегодную регулярную встречу премьеров-министров правительств обеих стран. Как минимум, один раз в год они должны встречаться. Дальше идет уровень подкомиссий, которые, как правило, возглавляют заместители министров. В частности, по торгово-экономическому сотрудничеству это МЭРТ России и министерство коммерции КНР, которые тоже регулярно проводят встречи подкомиссий. Также существует достаточно развитый и неплохо работающий механизм постоянных неправительственных контактов. Можно уверенно сказать, что российско-китайские торгово-экономические сотрудничество - это давно уже не что-то такое, что обсуждается и изучается. Это реальность, которая имеет место и которую надо только развивать.

Другое дело, что существуют конкретные проблемы, которые нужно как-то развязывать. Это касается таможни, налогов, отношения отдельных групп населения и каких-то организаций, и тут надо просто конкретно работать.